

Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2025. Т. 31, № 3. С. 72–80. ISSN 2073-1426

Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 72–80.

ISSN 2073-1426

Научная статья

5.3.7 Возрастная психология

УДК 159.942

EDN VQHCBЕ

<https://doi.org/10.34216/2073-1426-2025-31-3-72-80>

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ РАДИАЦИОННОЙ КАТАСТРОФЫ НА ЧАЭС ЖИТЕЛЯМИ РАДИОАКТИВНО ЗАГРЯЗНЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ: MULTIPLE - CASE STUDY

Быховец Юлия Васильевна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт психологии РАН, Москва, Россия, bykhovets@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0163-4334>

Аннотация. Данное исследование является продолжением работ по изучению переживания невидимых стрессоров и посвящено описанию особенностей ретроспективного восприятия аварии на Чернобыльской АЭС жителями зоны отселения. Показано, что у респондентов образ того, что произошло в Чернобыле 26 апреля 1986 г., достаточно фрагментарен и представлен информацией из слухов, а также частично от медицинского персонала. Причиной стрессовых переживаний для респондентов являлась необходимость оставить дом, хозяйство, а также вынужденная миграция и адаптация к новому месту жительства. Предложено выделение двух уровней переживания радиационной опасности: первый – это видимое и осознаваемое, второе – это невидимое и не поддающееся осознанию.

Ключевые слова: невидимые стрессоры, радиационная опасность, восприятие, переживание, ЧАЭС, multiple - case study.

Благодарности. Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием Минобрнауки РФ № 0138-2025-0009 «Системное развитие субъекта в нормальных, субэкстремальных и экстремальных условиях жизнедеятельности».

Для цитирования: Быховец Ю.В. Психологические особенности восприятия радиационной катастрофы на ЧАЭС жителями радиоактивно загрязненных территорий: multiple - case study // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2025. Т. 31, № 3. С. 72–80. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2025-31-3-72-80>

Research Article

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE PERCEPTION OF THE RADIATION DISASTER AT THE CHERNOBYL NUCLEAR POWER PLANT BY RESIDENTS OF RADIOLOGICALLY CONTAMINATED TERRITORIES: A MULTIPLE - CASE STUDY

Yulia V. Bykhovets, Candidate of Psychological Sciences, Senior Researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, bykhovets@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0163-4334>

Abstract. This study is a continuation of the work on the study of the experience of invisible stressors and is devoted to the description of the features of the retrospective perception of the Chernobyl accident by residents of the resettlement zone. It is shown that the respondents' image of what happened in Chernobyl on April 26, 1986 is quite fragmentary and is represented by information from their rumors, as well as partially from medical personnel. The reason for the stress for the respondents was the need to leave home, household, as well as forced migration and adaptation to a new place of residence. It is proposed to distinguish two levels of experiencing radiation danger: the first is visible and conscious, the second is not visible and not amenable to awareness.

Keywords: invisible stressors, radiation hazard, perception, experience, Chernobyl nuclear power plant, multiple - case study.

Acknowledgements. The study was performed in accordance with the State Assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation no. 0138-2024-0009 "Systemic development of a subject in normal, subextreme and extreme conditions of life".

For citation: Bykhovets Yu. V. Psychological features of the Perception of the Radiation Disaster at the Chernobyl Nuclear Power Plant by residents of Radiologically Contaminated territories: a multiple - case study. Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 72–80 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2025-31-3-72-80>

Каждый период в истории человечества характеризуется своим специфическим типом угрожающих жизни событий. Особенность угроз XXI в. проявляется в том, что наряду с видимыми событийными стрессорами (аварии, войны, пожары и т. п.) человек все чаще сталкивается с невидимыми угрозами [Быховец: 5]. Примерами таких современных угроз являются вирусная угроза (в ситуации с распространением вируса COVID-19), террористическая угроза для косвенных свидетелей (т. е. тех людей, которые не пострадали лично, но стали свидетелями трагических событий из СМИ), угроза применения ядерного оружия, радиационная опасность и пр. Эти угрозы создают фон неопределенности высокой степени значимости, так как напрямую связаны со здоровьем и жизнью людей. Неопределенность возникает не от отсутствия информации, а от отсутствия представлений, какова вероятность того, что ты лично пострадаешь в результате воздействия этого события, как распознать, что ты попал в эту ситуацию, какие последствия для здоровья это может принести. Население научается жить под дамокловым мечом постоянной уязвимости личного благополучия. Эту угрозу невозможно увидеть глазом, услышать, почувствовать кожей, в этой связи ее осознание затруднено и основывается на информации из официальных и неформальных источников. Это знание выступает травматическим стрессором, который особенно остро переживается уязвимыми группами населения: молодежью и пожилыми людьми, женщинами, лицами с высоким уровнем нейротизма, экстраверсии и т. д. [Быховец, Казымова: 4]. В теоретическом исследовании В.Г. Маралова для описания способности живого существа к распознаванию сигнала как опасного/безопасного предложено понятие чувствительность к опасностям [Маралов: 9]. В основе принятия решения об опасности лежит оценка расхождения между ожиданием и реальностью. Состояния тревоги, бдительности, возникающие после оценки сигнала как опасного, лежат в основе выбора соответствующего способа реагирования. Указывается, что люди различаются по способности к вероятностной оценке безопасности окружения.

Представления о невидимом психологическом стрессоре впервые в 90-х гг. XX в. были предложены Н.В. Тарабриной на основании серии исследований посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) у ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС. В этом комплексном проекте впервые были описаны психологические особенности восприятия и оценки радиационной опасности [Тарабрина, Петрухин: 11; Тарабрина и др.: 12]. В работе показано, что оценка ситуативного стресса, испытанного ликвидаторами во время пребывания в аварийной зоне, определяет восприятие и переживание ра-

диационной угрозы. Пережитый стресс является основой отношения человека к работе в Чернобыле как событию, которое привело к ощущению измененности себя. Также показана значительная роль вторичных стрессогенных факторов в этиологии ПТСР у ликвидаторов аварии: ухудшение здоровья, переживание угрозы лучевой болезни, повышение тревожности в условиях производства в связи с переоценкой риска аварийных ситуаций, семейные проблемы, связанные с деторождением [Тарабрина: 13].

Для описания психологических последствий невидимых стрессоров нами разработана концепция переживания невидимых угроз. Под переживанием невидимых угроз мы понимаем субъективную оценку риска стать жертвой данного угрожающего жизни человека события [Быховец: 3]. Одной из главных особенностей невидимых угроз является отсутствие чувственного (зрительного, слухового и т. д.) образа угрожающего жизни явления/объекта. Так, Т.Б. Мельницкая при рассмотрении психологического стресса, вызванного мнимым или фактическим воздействием радиации, указывает, что отсутствие органолептического восприятия фактора опасности является основой последующих переживаний [Мельницкая: 10]. Человек имеет дело с виртуальным образом данной угрозы, который складывается на основе информационных сообщений об этих угрозах из различных источников. В ситуации с невидимыми угрозами люди сталкиваются с событиями, которые зачастую отсутствовали в его личном опыте и характеризуются высшей степенью новизны и неопределенности. То есть у человека нет однозначной информации о последствиях столкновения с данным стрессором, нет сценариев поведения, обеспечивающих сохранение жизни. Определить степень стрессогенности ситуаций такого типа достаточно нелегко.

Отдельным стрессовым фактором, который следует рассмотреть особо, является отсроченность последствий воздействия невидимых угроз во времени. То есть человек живет некоторое время в ожидании неопределенных, но чаще негативных последствий/проявлений результата столкновения с данной опасностью. Это могут быть ухудшение состояния здоровья, как в ситуации с радиационным облучением, повышенная настороженность в связи с вероятностью стать жертвой террористического акта, интенсивные переживания вероятности заболеть опасным для жизни заболеванием, как в ситуации с COVID-19. В данном случае основная, заложенная в нас природой жизнеспасающая система безопасности, обычно проявляющаяся в мгновенной реакции на угрозу в виде мобилизации организма, работает иначе. Из-за ограниченности ресурсов человека и его психики мобилизация не может длиться долго. Фактором снижения психического напряжения могут быть стремление

к рационализации через сбор и накопление информации о патогенности невидимой угрозы и параллельно с этим появление чувства подконтрольности ситуации.

В ситуации с невидимыми угрозами психологические последствия всегда многообразны и зависят от уровня образованности индивида, его способностей к рефлексии и критическому анализу поступающей извне информации, от его личностных особенностей, психического статуса на момент столкновения с угрозой.

В данной статье мы рассмотрим особенности отсроченных во времени переживаний в связи с аварией на Чернобыльской атомной электростанции (ЧАЭС) людьми, которые в 1986 г. проживали на территории, признанной зоной отселения, а последние 34 года находятся на экологически безопасной территории.

В настоящее время нами найдено небольшое количество работ по изучению динамики показателей психического здоровья населения территорий, признанных непригодными для жизни в связи с аварией на ЧАЭС. А.В. Хавыло провел изучение психологического статуса жителей радиоактивно загрязненных (РЗТ) и незагрязненных территорий Брянской, Калужской, Орловской и Тульской областей России спустя 22 года после аварии на ЧАЭС [Хавыло: 14]. Показано, что уровень посттравматического стрессового расстройства (по симптомам физиологической возбудимости, избегания и вторжения) у населения радиоактивно зараженной территории статистически значительно выше, чем у жителей незараженных радиацией территорий. В работе И.А. Зыковой, Г.В. Архангельской предложено понятие радиотревожности для описания психологического состояния человека, при котором он субъективно завышает объективно существующую, но чаще всего незначительную для здоровья опасность радиационного воздействия [Зыкова, Архангельская: 8]. Авторы указывают, что более половины практически здоровых лиц, проживающих на территории радиоактивного загрязнения и участвующих в их исследовании, испытывают стрессовые состояния в связи с этой аварией. Также есть данные о том, что люди пожилого возраста (старше 60 лет), проживающие на РЗТ, особенно остро переживают опасность радиационного облучения [Мельницкая: 10]. В исследовании Collett с соавторами показано, что воспринимаемое воздействие радиации, даже в случаях минимальной фактически поглощенной дозы, может привести к психологическому стрессу, который, в свою очередь, связан со снижением когнитивной функции человека [Collett et. al.: 16]. Н.А. Жданова в своей работе показала, что проживание в опасной зоне с допустимыми уровнями радиации может приводить у части населения к нарушениям в эмоциональной и поведенческой сферах [Жданова: 6].

Целью нашего исследования стало описание особенностей ретроспективного восприятия аварии на Чернобыльской АЭС жителями зоны отселения. Далее будет представлен анализ исследования двух случаев (multiple - case study). Использование данного исследовательского плана для нас имеет в настоящее время особенное значение, учитывая специфику изучаемого феномена. О важности использования метода анализа единичного случая в исследованиях, в которых авторы пытаются через анализ единичных событий вывести некоторые всеобщие закономерности, указывает в своей работе Н.Е. Харламенкова [Харламенкова: 15].

Методика: для оценки того, как люди, проживающие на территории с высоким уровнем радиационного заражения, ретроспективно оценивают катастрофу на Чернобыльской АЭС, мы использовали интервью. Оно проводилось с участием супружеской пары: женщины К. (56 лет) и мужчины А. (61 год), которые на момент аварии 26.04.1986 года проживали в Новозыбковском районе, село Шеломы (территория села признана зоной отселения). Интервью было проведено 07.01.2024 г.

Вопросы интервью:

1. Как и когда вы узнали об аварии на ЧАЭС?
2. Какие чувства вы испытывали, когда узнали об этом?
3. По вашим наблюдениям, изменилось ли что-то в вашем поведении в связи с сообщениями об аварии на ЧАЭС?
4. Проявляли ли вы интерес к информации об аварии?
5. Повлияла ли авария на ЧАЭС на ваши профессиональные планы?
6. Доверяли ли вы действиям правительства в той ситуации?
7. Изменилось ли как-то социальное взаимодействие между жителями вашего села? Какое было к вам отношение населения того места, куда вам пришлось переехать жить?

Результаты. На основании данных интервью были выделены основные темы, которые позволяют описать специфику восприятия радиационной опасности жителями радиоактивно загрязненных территорий.

Со слов респондентов, после возникновения аварии на ЧАЭС информация об этом событии была засекречена, в этой связи жители примыкавших к городу Чернобыль областей не знали о случившемся 26 апреля 1986 г. Спустя 1–2 месяца стали возникать слухи, происходили какие-то мероприятия, связанные со здоровьесберегающими действиями, которые легли в основу образа радиационной опасности. На основании данных интервью можно описать структуру образа угрозы радиационного заражения, которая включает в себя когнитивные и эмоциональные ком-

Таблица 1

Структура представления об угрозе радиационного заражения

Компоненты представления об угрозе радиационного заражения		По данным интервью
Эмоциональный и когнитивный компоненты	Осознание угрозы радиационного облучения для собственного здоровья	Респондент А.: «Работал я на объекте и приезжали наши врачи, вернее не наши врачи, не местные, а издалека приехали. И вот они замеряют у меня в кабине фон радиации, замеряют на улице и говорят, что вам нельзя на нем работать... тут уже, конечно, страшно...»
		Респондент А.: «Мы случайно узнали. Где-то через месяц, может, чуть побольше. У нас был такой случай. В медицинском училище преподавали военное дело. И вот когда запустили, как он называется, прибор. Он же пищит, когда высокая радиация. И вот мы узнали от этого случая».
Эмоциональный компонент	Страх за здоровье детей	Респондент А.: «Вы знаете, лучше здоровье детей. За здоровье детей. Если бы не это. Как вы думаете? Стал бы переезжать? У меня старший сын на велосипеде по дому катался. Понимаете размеры дома? Отдать в фонд государства – не знаешь, во-первых, куда потом ушло, и переехать куда-то... так что... Ради детей, ради детей уезжали».
		Респондентка К.: «...Информация стала появляться ближе к 90-м. А это везде говорилось об этом. Конечно, этот страх присутствовал. Страх за детей, что будет. У нас же как, знаете, у нас бабушки: «Ой, я иду – лежит кусок радиации, я его ногой тыдьнь» (смеется). Каждый сам придумывал какие-то мифы. Вообще, что там вот такой масштаб случился, такой вот страшный масштаб, катастрофа, мы узнали ближе к 90-м годам. Это в течение трех лет это было-было потихоньку, а потом стало уже страшно. Интернета не было и почитать где-то не было. Телевизор только. Ну конечно, было страшно. Страшно за детей, что будет. Начали говорить, что могут рождаться там и уроды, и впоследствии облучение, онкозаболевания. Все это, конечно, присутствовало».
Когнитивный компонент	Наблюдение за поведением жителей села	Респондент А.: «Я работал в бригаде, у нас уехало 4 человека. А бригада была 9 единиц техники. Кто уехал на Украину, кто уехал... под Урал».
		Респондентка К.: «Между собой это обсуждали, многие уезжали. Пораньше даже могли уехать. Кто-то мог, те уезжали...»
	Помощь от государства, которую не получали жители села до аварии	Респондент А.: «Я вам скажу, а вы подумайте – просто так смертные государство будет платить? Мы называли эти денежки, которые нам выдавали, по 30 рублей, мы их так называли по-местному между собой. Как вы думаете, государство раскошелилось бы на эту сумму? И тем более до Чернобыля – я жил в такой местности, что мы не видели, что такое камбала. Не знали, что это такое. Не видели, что такое тушенки, сгущенки. В Москве – да. В больших городах. В Белоруссии. А в нашей местности... не было такого».
		Респондентка К.: «...Потом стали выплачивать деньги. Мы как-то их в народе называли “гробовые”. Платили на каждого ребенка и на каждого взрослого. Какие последствия и что именно после этой радиации мы, конечно, не понимали. Как-то были молодые и нам это было не столь важно, наверное, да. А потом уже у нас сынок родился в шоле месяце. Вот он в шоле родился 1986 года. Мы еще жили там 4 года».

поненты (табл. 1). Эмоциональные компоненты включают страх за собственное здоровье и здоровье детей, когнитивные компоненты построены на основании наблюдений за реакцией правительства и поведением окружающих людей, также проживавших на радиоактивно зараженной территории, которые рассматривались респондентом как свидетельства нарушения безопасности жизни.

Таким образом, в ходе интервью мы получили данные о том, что у респондентов образ того, что произошло в городе Чернобыле 26 апреля 1986 г., достаточно фрагментарен и представлен информацией из слухов, а также частично от медицинского персонала, который приезжал в их село после аварии.

Респонденты самостоятельно не искали информацию о произошедшей радиационной катастрофе, не делали попытки понять, что случилось. Решение

о переезде было основано на чувстве страха за жизнь и здоровье детей. В данном случае следует отметить, что страх относился не к ситуации аварии на ЧАЭС, а был связан с будущими последствиями этого события для здоровья детей, то есть происходит смещение в смысловых значениях угрожающего жизни события: респонденты страшились не аварии, а будущих проблем со здоровьем у себя и детей (Респондентка К.: «Воду пили все, просто стали привозить много продуктов, которых у нас раньше не было. Завозилось очень много морепродуктов, заводилась сгущенка, тушенка. В принципе, продукты, я вот даже не знаю, как сказать... мы-то были довольны в то время, не было что-то такого особо хорошего, но привозить стали все. Всего, всяких продуктов – “у вас зараженная зона”. Не знаю, как в то время думало наше правительство, что мы там, как мы там.

Делалось все, мне кажется, для того, чтобы у людей не было паники, чтобы бежали там толпами. Все как-то спокойно проходило. Люди сами по себе, конечно, нервничали, переживали за детей, за себя, за будущее детей»).

Оба респондента указывают, что авария на ЧАЭС является для них стрессором высокой интенсивности. Однако причиной стрессовых переживаний в первую очередь для К. является необходимость оставить дом, хозяйство, которые на момент аварии на ЧАЭС были в достаточно хорошем состоянии («...*Был очень стресс большой – уехать, оставить, там был очень большой дом. Мы как бы планировали там жить, и работа была. Все было. Это был очень большой стресс. Не до боли душевной, но было очень тяжело. Я, конечно, не там родилась, в другом месте, а муж, он больше там прожил, и все это его рук, он строил, все делал. Как бы и видя, как там близко город и все... Это западные районы Брянской области, и мы как бы хотели там жить, но это был очень большой стресс»).*

Респондентка К. указала на то, что дом и хозяйство имели для нее и ее мужа высокую ценность, которую они в связи с аварией должны были потерять. Именно это обстоятельство определило эту ситуацию как стрессовую. Л.И. Анциферова в своей работе указывает на то, что «чем более значительное место в смысловой сфере личности занимает находящийся в опасности объект и чем более интенсивно воспринимается личностью угроза, тем выше мотивационный потенциал совладания с возникшей трудностью» [Анциферова: 1]. Именно эта ценность дома и хозяйства актуализировала адаптационный потенциал респондентки и ее мужа, который обеспечил их настойчивостью и энергией для поиска нового места жительства, то есть способствовал формированию совладающего со стрессом поведения.

Для респондента А. источником стресса в первую очередь выступила информация о высоком уровне радиации на его месте работы (в кабине машины). Вторым по значимости стрессовым фактором, о котором стало ясно из интервью, является угроза радиационного облучения для здоровья и будущей жизни детей. Из различных источников появлялась информация об отсроченном характере воздействия радиации, что могло приводить к переживанию состояния постоянного напряжения, ожиданию неблагоприятных последствий для организма. Эта вторая ценность, фрустрация которой проявилась в связи с аварией на ЧАЭС.

Дополнительным стрессогенным фактором выступила необходимость адаптации на новом месте жительства, который по природным условиям сильно отличался от предыдущего (Респондент А.: «*Труднее было, когда переехали. Другая местность, другие*

люди. Другое отношение»), «*Еще сложнее было знать в чем? ...Привыкнуть к той местности, куда я переехал. По климату... А как вы думаете... Ты днем выходишь, а тебе и днем, и ночью белая ночь»*), а также денежный кризис 1990-х годов, когда произошло обесценивание денег («*Мне выплатили за дом страховку. Мне за дом за личный выплатили страховку. Я оформил документы. Но пока я переезжал... и приехал на новое место, мои денежки, которые мне выплачивали... Я пылесоса не мог купить. Я попал в этот период, когда наши деньги обесценились»*).

О стрессогенности данного события свидетельствует наличие синдрома годовщины, о котором сообщила респондентка («*Иногда это забывается, а вот когда наступает 26 апреля, даже если где-то там что-то, оно уже вспоминается, как было, и даже всплывает то, как уезжали, как это было, и дом вспоминается, и вот это вот все общение, и про продукты вот вспоминается, что вот привозили»*). То есть респондентка сообщает об обострении болезненных воспоминаний о комплексе событий, связанных с переездом, поиском нового места проживания, адаптации к неблагоприятным условиям жизни и пр. в связи с каждой годовщиной аварии на ЧАЭС. Это очень распространенная и нормальная реакция на травматическое событие. Данные воспоминания могут рассматриваться как симптомы посттравматического стрессового расстройства.

Таким образом, данные показывают, что стресс респондентов был вызван не переживанием случившейся катастрофы, а миграцией и сопровождающими ее трудностями (поиск работы, места жительства, обесценивание денег, привыкание к новым климатическим условиям).

Интересными являются сведения о том, что, с одной стороны, информации о произошедшей катастрофе было очень мало, но, с другой стороны, со слов респондентки, они доверяли сообщениям правительства и получаемой из них информации и не делали попыток получить дополнительные данные (Респондентка К.: «*Да, конечно, верили сообщениям правительства. Это время такое было, еще советское время, мы люди, которые воспитывались в это время. Мы всегда верили. Как сказано, это всегда было. Это было все строго. Мы очень всему верили. Говорили, что да, вам нужно уезжать, да, потом уже сказали, кто куда может, на добровольной основе, но силой никого не выселяли»*).

Не было агрессии в связи с произошедшим событием. Респондентка сообщает, что информация о том, насколько опасно для здоровья радиационное облучение, стала появляться только к 1990 г., то есть спустя 4 года после катастрофы. В связи растянутым во времени интервалом от начала катастрофы до появления информации о ее угрожающем воздействии (прошло

4 года) у людей, с точки зрения респондентки, отсутствовали паника и сильных страх. Решения о переезде принимались степенно, без спешки (*Респондентка К.: «Наверно, когда это случилось, чернобыльская катастрофа, не было этого, не было, что вот случилось – и сразу нам объявили. И вот этого шока и паники не было. Это все как-то шло постепенно. Наверно, у нас там в голове это и отложилось, что не так, что я вскакиваю и нужно бежать. Вот этого не было такого, что такое страшное сейчас случиться. Нет, такого не было, потому что у нас тогда все было постепенно. И все пришли к этому выходу, не в страшной панике, не с вещами, не оставляли, не бежали, не было такого. Ближе туда – да: Припять – да, там, конечно, было. Конечно, люди бежали. У нас все-таки мы дальше были. Не отчужденная зона, конечно, а зона переселения. Даже люди другие к нам приезжали, занимали дома»*).

Было сделано несколько попыток найти новое место жительства, которые заканчивались с разной степенью успеха, то есть респонденты не «бежали в панике» от места радиационного заражения куда глаза глядят, а подбирали новое место жительства по значимым для них критериям (возможность предоставления работодателем жилья и места работы по профессии). Со слов респондента А., помощь в переезде оказали родственники (*«Мы с тестем уехали в Карелию. У него там брат был. Он говорит: “Приезжайте в гости”. Мы приехали в гости. И все. Слово за слово. Я так там и остался. Сходили к этому... начальнику по работе. Пришли и оговорили все. Он сказал, что им нужны рабочие. Тогда по России где-то что-то закрывалось, у них открывалось. У них открывался новый карьер. Нужен был шофер, и не один я там был. Нас 3–5 человек. Надо техника, надо водителя. Вот пожалуйста. Работу мне предоставили»*).

Таким образом, информации об аварии на ЧАЭС было мало, но респондентам ее хватало, они не проявляли попыток дополнительного сбора данных о произошедшем. Это также является дополнительным свидетельством того, что сама Чернобыльская авария и ее последствия в виде радиационного облучения не выступали травматическим стрессором для респондентов.

Респондентка К. воспринимает данное событие своей жизни не только как негативное, но обозначает и его позитивное влияние: *«Я считаю, что да, это вызов. И я не знаю, как бы мы жили там. Может быть, это все сплотило нас. Это все вместе собрало в кучу. Хотя у меня в Брянске живут родственники, мне кажется, что мы преодолели вот это все как-то с мужем вместе. Вот этот переезд, этот далекий переезд, тяжелый переезд, начиная все с нуля...»* Следует отметить, что индивидуальным фактором-

протектором для такой оценки произошедшего может являться уровень психологического благополучия семьи на момент катастрофы: этому предшествовал достаточно позитивный этап жизни (свадьба, планирование беременности, переезд в новый дом и пр.), то есть можно предположить, что незадолго до случившейся катастрофы психологическое состояние респондентки было достаточно стабильным и позитивно окрашенным, что, возможно, определило такую реакцию на событие.

Для А. наличие работы и жилья на новом месте жительства явилось основным поддерживающим фактором. Также респондент указывает, что красота и возможности природы на новом месте жительства выступили ресурсами совладания (*«Куда я переехал, мне сразу дали хоть не благоустроенное, но жилье какое-то. И работу предоставили по специальности. Работу предоставили по специальности и жене»*), *«Знаете, что самое прекрасное? Когда я переехал туда и мне через день один знакомый говорит: “Поехали на рыбалку?” И когда я увидел эти чистые-чистые озера. Когда ты сидишь, под тобой метра 3–4, оно светлое, дно видно. Вот это вот. Еще какая красота! А потом, когда переехали, попали на сбор ягод... народ собирается на одну машину. Знаете, какой интерес?! Ну привыкли. Нормально все»*).

На вопрос интервьюера о том, как А. относится к этой части своей биографии, респондент ответил: *«Это трудно объяснить. Там юность прошла. Там 9 месяцев назад дети появились. Вот как перебираться в другое место? Чувство... какое чувство... не объяснить... ой... как тепло? Года 2–3 тянуло назад, туда, в свое место. Я даже каждый год ездил туда. Я даже ездил туда. Мы в отпуск ездили. У меня же там родня оставалась. Брат двоюродный. Мы ездили туда. И как-то немножко тянуло. А потом привык. Это все ушло. И эти чувства... ушли. Да»*. Респондент описывает свои чувства, констатируя утрату связи с местом его рождения.

Обсуждение результатов. Полученные результаты свидетельствуют о том, что у респондентов сложилось разрозненное представление об аварии на ЧАЭС: не ясно, что конкретно произошло, по каким причинам, есть ли виновные, какие действия предпринимаются для ликвидации последствий и пр. Их представления отражают сам факт аварии на ЧАЭС, достоверность которого основана на слухах, сообщениях медицинского персонала и наблюдениях за поведением земляков и действиями правительства в связи с произошедшим. В этом отношении можно сравнить чувства респондентов аварии на ЧАЭС с переживанием природной стихии: причина ее не ясна, а воздействие катастрофично.

Также у самих респондентов не было желания понять и осмыслить, что произошло, так как они не ис-

кали информацию о случившемся. Можно предположить, что у опрошенных нами респондентов не было соприкосновения с радиационной угрозой в их ментальном пространстве, поэтому нет острых стрессовых переживаний в связи с этим. Для них беда не случилась, а только еще может произойти в виде возможных болезней в будущем.

С другой стороны, встреча с угрозой для жизни от радиационного облучения для них была в моменте принятия решения о переезде. Именно тогда они должны были допустить до осознания катастрофичность произошедшего и принять себя как жертв этой аварии. И тогда выделение в качестве причины переезда угрозы для здоровья детей, определяя возможность дальнейшего проживания в новом месте, вероятно, является дополнительным фактором, подтверждающим правоту сделанного выбора. Ценность семьи и здоровья детей, доминирующая в патриархальных семьях, помогла респонденту преодолеть сложность выбора между возможностью остаться и необходимостью переезжать в более безопасное место.

Выделим предварительно два уровня анализа изучаемого явления – переживания невидимой угрозы радиационной опасности: первый – это видимое и осознаваемое, второе – это невидимое и не поддающееся осознанию. Стресс респондентов был связан с утратой видимого и осязаемого (дома и хозяйства), а также с невидимой потенциальной будущей угрозой жизни, встреча с которой все-таки произошла в момент принятия решения о переезде. В связи с тем, что радиационное облучение невозможно увидеть глазом, людям трудно признать его реальность. Картина аварии и последующего радиационного излучения перцептивно нереальна, и в то же время ее реальность конструируется человеком, исходя из информации, полученной из источников, которым он доверяет. Основной фокус переживаний респондентов касался информационных сообщений о том, что в будущем у них или их детей могут возникнуть проблемы со здоровьем, а также о том, что им необходимо переезжать. То есть, с одной стороны, они боялись и переживали не за сегодняшний день, когда они стали жертвами катастрофы, а из-за будущих негативных последствий (миграция и возможность болезней), с другой стороны, они столкнулись со страхом смерти от неявного, неизвестного, неведомого. В.В. Знаков при описании многомерности бытия указывает, что «непостижимое по существу возникает как отражение объективных характеристик самого бытия» [Знаков: 7]. Эта непостижимая для осознания радиационная опасность ставила людей в ситуацию, когда у них не было возможности не выбирать, потому что, если ты не уедешь и останешься, за тебя выберет сама жизнь.

Фактически в ситуации с аварией на ЧАЭС мы имеем дело, во-первых, с замещением стресса в связи с радиационным облучением стрессом миграции. Сходные данные получены при оценке состояния психического здоровья пострадавших в результате аварии на АЭС Фукусима, когда психопатологическая симптоматика у пострадавших была связана с эвакуацией и сопутствующей стрессовой нагрузкой, а не с действием ионизирующего излучения [Буртовая и др.: 2].

Второй результат – страх неявного (радиационная опасность опредмечивается через страх будущих болезней). В этом случае возможными механизмами переживания невидимого информационного стресса при радиационной угрозе является замещение невидимой опасности видимыми объектами, социальное сравнение, антиципация, выбор из альтернатив. Таким образом, субъективная оценка риска стать жертвой той или иной угрозы основывается на двух составляющих: рациональной оценке потенциальных потерь в связи с угрозой и чувстве страха смерти от неизвестного, неведомого.

Ограничения исследования. В связи с ограниченной по размеру и составу выборкой (результаты нашего исследования получены на материале двух кейсов) представленные данные могут не полностью отражать характеристики генеральной совокупности. Планы по расширению эмпирической базы состоят в проведении серии дополнительных интервью как с тем людьми, которые уезжали из зон отселения, так и с теми, кто принял решение остаться. Использование разнообразных источников данных поможет получить более полную и объективную картину особенностей восприятия радиационной катастрофы на ЧАЭС жителями радиоактивно загрязненных территорий.

Заключение. Полученная модель переживания радиационной угрозы дает сжатое, наглядное и формализованное представление о компонентах этого явления и может быть использована в теоретическом и практическом планах для оценки резильентности населения, а также для разработки алгоритмов психологической помощи в ситуации техногенных катастроф.

Список литературы

- Анциферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. 512 с.
- Буртовая Е.Ю., Каннина Т.Э., Литвинчук Е.А. Характеристика факторов, влияющих на состояние психического здоровья облученных лиц в отдаленном периоде после радиационного воздействия // Радиационная гигиена. 2025. Т. 18, № 1. С. 76–84. <https://doi.org/10.21514/1998-426X-2025-18-1-76-84>

Быховец Ю.В. Представления о террористическом акте и переживание террористической угрозы жителями разных регионов РФ: дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2007. 130 с.

Быховец Ю.В., Казымова Н.Н. Современные отечественные исследования психологических факторов переживания террористической угрозы // Психологический журнал. 2019. Т. 40, № 3. С. 22–30.

Быховец Ю.В. Стресс от невидимых информационных угроз и его последствия // Консультативная психология и психотерапия. 2023. Т. 31, № 3. С. 132–166. <https://doi.org/10.17759/cpp.2023310307>

Жданова Н.А. Психологические последствия пребывания человека в местах с повышенной радиационной опасностью // Время выбрало нас: материалы Междунар. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых; Витебск, 15–16 мая 2025 г. / УО ВГАВМ; ред. кол.: О.С. Горлова (гл. ред.) и др. Ч. 1. Витебск: ВГАВМ, 2025. С. 23–26.

Знаков В.В. Психология возможного: Новое направление исследований понимания. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. 257 с.

Зыкова И.А., Архангельская Г.В. Радиотревожность населения загрязненных территорий и меры по ее снижению. Санкт-Петербург, 2007. 24 с.

Маралов В.Г. Проблема чувствительности к угрозам: обзор исследований // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). С. 15–26.

Мельницкая Т.Б. Социально-психологические последствия переживания радиационного риска у населения, проживающего на радиоактивно загрязненной территории Брянской области // Вестник психотерапии. 2008. № 25 (30). С. 94–103.

Тарабрина Н.В., Петрухин Е.В. Психологические особенности восприятия и оценки радиационной опасности // Психологический журнал. 1994. Т. 15, № 1. С. 27–40.

Тарабрина Н.В., Лазебная Е.О., Зеленова М.Е., Петрухин Е.В. Посттравматический стресс у ликвидаторов последствий аварии на ЧАЭС. Т. 1. Кн. 1. Москва: Изд-во ИП РАН, 1995. С. 66–99.

Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса: Теория и практика. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 304 с.

Хавыло А.В. Социально-психологические проблемы жизнедеятельности и стрессовые реакции населения, проживающих на радиоактивно загрязненных территориях России после аварии на Чернобыльской АЭС // Вестник психотерапии. 2014. № 52 (57). С. 80–91.

Харламенкова Н.Е. Case study как метод исследования личности // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы. Сер.: Интеграция академической и университетской психологии.

Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 747–752.

Collett G., Craenen K., Young W., Gilhooly M., Anderson R.M. The psychological consequences of (perceived) ionizing radiation exposure: a review on its role in radiation-induced cognitive dysfunction. *International Journal of Radiation Biology*, 2020, vol. 96 (9), pp. 1104–1118. <https://doi.org/10.1080/09553002.2020.1793017>

References

Ancyferova L.I. *Razvitie lichnosti i problemy gerontopsihologii* [Personality development and problems of gerontopsychology], 2-e izd., ispr. i dop. Moscow, Institut psihologii RAN Publ., 2006, 512 p.

Burtovaya E.Yu., Kantina T.E., Litvinchuk E.A. *Harakteristika faktorov, vliyayushchih na sostoyanie psicheskogo zdorov'ya obluchennyh lic v otdalennom periode posle radiacionnogo vozdeystviya* [Characteristics of factors influencing the mental health of irradiated persons in the late period after radiation exposure]. *Radiacionnaya gigiena* [Radiation Hygiene], 2025, vol. 18, no. 1, pp. 76–84. <https://doi.org/10.21514/1998-426X-2025-18-1-76-84>

Byhovec Yu.V. *Predstavleniya o terroristicheskom akte i perezhivanie terroristicheskoy ugrozy zhitel'nykh raznykh regionov RF*: dis. ... kand. psihol. nauk [Ideas about a terrorist act and the experience of a terrorist threat by residents of different regions of the Russian Federation: dis. ... candidate of psychological sciences]. Moscow, 2007, 130 p.

Byhovec Yu.V., Kazymova N.N. *Sovremennye otechestvennye issledovaniya psichologicheskikh faktorov perezhivaniya terroristicheskoy ugrozy* [Modern domestic studies of psychological factors of experiencing a terrorist threat]. *Psichologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 2019, vol. 40, no. 3, pp. 22–30.

Byhovec Yu.V. *Stress ot nevidimyh informacionnykh ugroz i ego posledstviya* [Stress from invisible information threats and its consequences]. *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya* [Counseling psychology and psychotherapy], 2023, vol. 31, no. 3, pp. 132–166. <https://doi.org/10.17759/cpp.2023310307>

Havylo A.V. *Social'no-psichologicheskie problemy zhiznedeyatel'nosti i stressovye reakcii naseleniya, prozhivayushchih na radiativno zagryaznennykh territorij Rossii posle avarii na Chernobyl'skoj AES* [Social and psychological problems of life and stress reactions of the population living in radioactively contaminated territories of Russia after the Chernobyl accident]. *Vestnik psihoterapii* [Bulletin of Psychotherapy], 2014, vol. 52 (57), pp. 80–91.

Harlamenkova N.E. *Case study kak metod issledovaniya lichnosti* [Case study as a method of personality research]. *Ekspperimental'naya psihologiya v rossii: tradicii i perspektivy. Ser.: Integraciya akademicheskoy*

i universitetskoj psihologii [Experimental psychology in Russia: traditions and prospects. Ser.: Integration of academic and university psychology], 2010, pp. 747–752.

Maralov V.G. *Problema chuvstvitel'nosti k ugrozam: obzor issledovanij* [The problem of sensitivity to threats: a review of research]. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* [National Psychological Journal], 2021, vol. 1 (41), pp. 15–26.

Melnitskaya T.B. *Social'no-psihologicheskie posledstviya perezhivaniya radiacionnogo riska u naseleniya, prozhivayushchego na radioaktivno zagryaznennoj territorii Bryanskoy oblasti* [Social and psychological consequences of experiencing radiation risk in the population living in the radioactively contaminated territory of the Bryansk region]. *Vestnik psihoterapii* [Bulletin of Psychotherapy], 2008, vol. 25 (30), pp. 94–103.

Tarabrina N.V., Petruhin E.V. *Psihologicheskie osobennosti vospriyatiya i ocenki radiacionnoj opasnosti* [Psychological Features of Perception and Assessment of Radiation Hazard]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 1994, vol. 15, no. 1, pp. 27–40.

Tarabrina N.V., Lazebnaya E.O., Zelenova M.E., Petruhin E.V. *Posttravmaticheskij stress u likvidatorov posledstvij avarii na ChAES* [Post-traumatic Stress in Liquidators of the Consequences of the Chernobyl Accident]. Vol. 1, iss. 1. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., pp. 66–99.

Tarabrina N.V. *Psihologiya posttravmaticheskogo stressa: Teoriya i praktika* [Psychology of Post-traumatic Stress: Theory and Practice]. Moscow, Institut psihologii RAN Publ., 2009, 304 p.

Zhdanova N.A. *Psihologicheskie posledstviya prebyvaniya cheloveka v mestah s povyshennoj radiacionnoj*

opasnost'yu [Psychological consequences of a person's stay in places with increased radiation hazard]. *Vremya vybralo nas: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. studentov, magistrantov, aspirantov i molodyh uchenyh; Vitebsk, 15–16 maya 2025 g.* [Time has chosen us: Proceedings of the International scientific and practical conference of students, master's students, postgraduates and young scientists; Vitebsk, May 15–16, 2025]; UO VSVM, ed. by O.S. Gorlova et al. Part 1. Vitebsk, VGAVM Publ., 2025, pp. 23–26.

Znakov V.V. *Psihologiya vozmozhnogo: Novoe napravlenie issledovanij ponimaniya* [Psychology of the Possible: A New Direction in Research of Understanding]. Moscow, Institut psihologii RAN Publ., 2000, 257 p.

Zykova I.A., Arhangel'skaya G.V. *Radiotrezvozhnost' naseleniya zagryaznennykh territorij i mery po ee snizheniyu* [Radio anxiety of the population of contaminated territories and measures to reduce it]. Saint-Petersburg, 2007. 24 p.

Collett G., Craenen K., Young W., Gilhooly M., Anderson R.M. The psychological consequences of (perceived) ionizing radiation exposure: a review on its role in radiation-induced cognitive dysfunction. *International Journal of Radiation Biology*, 2020, vol. 96 (9), pp. 1104–1118. <https://doi.org/10.1080/09553002.2020.1793017>

Статья поступила в редакцию 16.06.2025; одобрена после рецензирования 01.08.2025; принята к публикации 01.08.2025.

The article was submitted 16.06.2025; approved after reviewing 01.08.2025; accepted for publication 01.08.2025.